

Кольцо царя Соломона

Автор:

[Конрад Лоренц](#)

Кольцо царя Соломона

Конрад Лоренц

Эксклюзивная классика (АСТ)

Автор – современный учёный, лауреат Нобелевской премии, один из основоположников науки о поведении животных – этологии.

Неоценимое достоинство книги Конрада Лоренца, написанной четверть века назад и пользующейся неизменной популярностью, состоит в том, что она живо, просто и доступно рассказывает о научном поиске, пробуждая в читателе стремление к глубокому познанию окружающего нас мира.

РИСУНКИ АВТОРА

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Конрад Лоренц

Кольцо царя Соломона

Konrad Lorenz

ER REDETE MIT DEM VIEH, DEN V?GELN UND DEN FISCHEN

First published by Verlag Dr. Borotha Schoeler, Vienna, 1949

Печатается при содействии издательства DTV VERLAGSGESELLSCHAFT mbH & Co. KG

© dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. RG, Munich/Germany, 1983

© Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co.

KG, München, 1983

© Перевод. Е. Панов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Предисловие

Книги, подобно людям, имеют свои неповторимые судьбы. Срок жизни одних книг короток, и мы быстро забываем об их существовании. Другие, как лучшие друзья, сопутствуют человеку на протяжении всей его жизни, а затем остаются служить его детям и внукам. Есть книги, любимые в детстве и остающиеся только в воспоминаниях детства. Есть и такие, которые мы вновь и вновь открываем для себя в юности, в зрелости и на склоне лет. Эти книги как бы заново возрождаются к жизни с каждым их новым изданием. Они отмечены печатью неизменного признания и интереса со стороны читателей разных стран, возрастов и склонностей.

К числу таких книг со счастливой судьбой относится книжка Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона». Хотя срок ее жизни составляет немногим больше четверти века, за это время она получила широкую известность и признание

среди читателей многих стран мира. Впервые эта книга была опубликована не в Австрии, на родине ее автора, а в Великобритании. Это произошло в 1952 г. В 1957 г. книга была переиздана на английском языке; выдержала несколько изданий на других языках; в 1970 г. вышла в русском переводе в издательстве «Знание».

В чем же секрет неизменного успеха, сопутствовавшего этой книге на протяжении 25 лет? Дело в том, что «Кольцо царя Соломона» – один из лучших образцов литературного жанра, рожденного расцветом современной науки и ее все более глубоким проникновением в повседневную жизнь человека XX столетия.

В наши дни наука перестает быть неким таинством, совершающимся за стенами научных лабораторий и недоступным «простому смертному». Сегодня любое сколько-нибудь значительное научное открытие в короткий срок становится достоянием самых широких кругов читателей. Научно-популярные журналы, число которых растет с каждым днем, оказываются одним из наиболее популярных видов чтения. Ежедневно газеты и телевидение знакомят нас со сложнейшими астрономическими, физическими, биологическими концепциями, которые еще совсем недавно могли бы показаться неспециалисту таинственными и уместными лишь на страницах сугубо специального научного трактата.

Сделать достижения современной науки доступными и понятными для каждого, увлечь читателя атмосферой научного поиска, породить в нем стремление к глубокому познанию окружающего нас мира – вот те воистину священные задачи, которые стоят сейчас перед учеными, влюбленными в свое дело. Конрад Лоренц относится именно к числу таких исследователей. «Разве не должен этолог, поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об интимной жизни животных? В конце концов, каждый ученый должен считать своим долгом рассказать широкой публике в общедоступной форме о том, чем он занимается» – так пишет автор в предисловии к своей книге.

Для того чтобы писать о своей науке для всех, ученому мало быть профессионалом в своей области. Он должен обладать еще и талантом писателя. Эти качества – доскональное знание предмета и живой дар литератора – удивительным образом сочетаются в богатой личности К. Лоренца. Образование его фундаментально – помимо зоологического факультета

Венского университета, он окончил также философский и медицинский факультеты. Его научная деятельность получила мировое признание: работая директором Института сравнительной физиологии в Зеевизене (ФРГ), К. Лоренц избран членом Американского и Датского орнитологических обществ, Индийской зоологической академии, Швейцарской академии наук и ЮНЕСКО. В 1973 г. он удостоен одной из высших наград за плодотворную научную деятельность – Нобелевской премии. Об авторитете К. Лоренца как профессионального писателя свидетельствует тот факт, что он является действительным членом Немецкой ассоциации писателей. Нашему читателю известна еще одна талантливая книжка К. Лоренца – «Человек находит друга», изданная в издательстве «Мир» в 1971 г.

Читателю предстоит составить собственное мнение о литературных достоинствах книги «Кольцо царя Соломона». Я думаю, что она способна увлечь каждого, кто неравнодушен к природе и к тайнам мира животных. Любопытна другая деталь. Будучи законченным художественным произведением, привлекательным и доступным для каждого из нас, эта книга представляет живой интерес и для зоологов-профессионалов. В момент своего написания талантливые научно-популярные работы К. Лоренца сыграли важную роль в распространении новых и непривычных в то время взглядов на сущность поведения животных. Сам автор писал по этому поводу следующее: «Обе мои книги – и „Кольцо царя Соломона“ и „Человек находит друга“ – можно рассматривать как небольшие и весьма скромные введения в этологию. Я позволяю себе говорить об этом потому, что знаю немало естествоиспытателей, которые обратили внимание на нашу науку именно благодаря этим книгам». Ссылки на «Кольцо царя Соломона» мы можем еще и сегодня найти во многих сугубо научных статьях и книгах. Непосредственность стиля, окрашенного своеобразием личности автора и его мягким юмором, не помешала специалистам-зоологам увидеть в этом сборнике новелл обилие новых фактов и богатство плодотворных идей, послуживших около 40 лет назад фундаментом этологии – науки о поведении животных.

Не многим ученым выпала честь еще при жизни получить всеобщее признание в качестве основателя нового научного направления. К. Лоренц относится именно к числу таких исследователей. В 30-х годах нашего века, когда зоологи, психологи и физиологи делали самые первые попытки подойти с разных сторон к строго научному описанию и анализу поведения животных, К. Лоренц выступает с серией фундаментальных статей, в которых проблема поведения рассматривается во всем ее сложнейшем многообразии. Основное кредо К. Лоренца состояло в том, что мы не сможем понять внутренний мир и мотивы

поведения животных до тех пор, пока не покинем стены физиологических и зоопсихологических лабораторий и не освободим подопытных животных из тесных клеток и экспериментальных станков. Только свободное животное может в полной мере продемонстрировать наблюдателю все богатство и всю сложность своей психики. Разумеется, в этом смысле наибольшие возможности предоставляют наблюдения в условиях девственной природы, где связи живого существа со средой и с себе подобными проявляются в наиболее гармоничной и естественной форме. Однако мы можем отчасти упростить свою задачу, поселив интересующих нас животных у себя дома, но при этом по возможности не ограничивая свободы их передвижения и действий.

Но все это – лишь способ, который дает возможность познать истинную сущность вещей. А что, собственно, должен понять этолог, исследуя поведение животных? Здесь К. Лоренц видит несколько задач, теснейшим образом связанных друг с другом. Во-первых, этологам предстоит дать ответ на многовековой вопрос, поставленный еще античными учеными: «Что такое инстинкт?» Во-вторых, необходимо узнать, руководствуется ли животное в своих поступках только этим пресловутым «инстинктом» или же существуют и другие факторы, ответственные за поведение живых существ. Очевидно, что наряду с инстинктивными реакциями, которые присущи животному от рождения, в течение его жизни формируются и другие, требующие для своего развития определенного индивидуального опыта или обучения. Отсюда третья задача – узнать, каково соотношение между инстинктивными, врожденными формами поведения и теми реакциями, которые приобретаются за счет жизненного опыта. Как формируется причудливая мозаика поведения особи на протяжении ее жизни – от момента рождения и до наступления зрелости?

Но, ответив на все эти вопросы, мы оказываемся перед рядом других, не менее интересных и важных. Один из них состоит в том, как именно животные общаются друг с другом. Основано ли их взаимопонимание только на обмене врожденными сигналами или же здесь есть место и личным привязанностям, симпатиям и склонностям? В чем сходство и в чем принципиальные различия между «языками» животных и языком человека?

Наконец, если представить себе эволюцию животного мира как развитие от простейших одноклеточных существ до высших позвоночных (в том числе и человека), то совершенно естественным становится желание ученых узнать, как же в процессе органической эволюции преобразовывалось поведение животных? Действительно, в самом начале этого необозримого пути природы мы находим

существ с поведением простейших автоматов, а в конце его – животных с тончайшей психической организацией, позволяющей им мгновенно приспосабливаться к самым неожиданным и совершенно новым для них изменениям во внешней среде.

Многие из перечисленных здесь вопросов ставились учеными и до появления основополагающих трудов К. Лоренца. Непосредственными его предшественниками были Ч. Уитмен и У. Крег в США, Я. Иксюль и О. Хейнрот в Германии, Дж. Хаксли в Англии. Трудно переоценить и то влияние, которое оказала на творчество К. Лоренца теория видообразования Ч. Дарвина. Но величайшая заслуга К. Лоренца состоит в том, что он, взяв самое существенное в трудах всех этих и многих других его предшественников и современников, создал единую теоретическую систему. Тем самым ученому удалось ясно очертить поле деятельности новой науки и указать направления поисков и основные пути решения наиболее актуальных вопросов. «Я вижу заслугу своей работы в том, – писал К. Лоренц, – что она открывает широкое поле исследований в той области, которая до недавнего времени была трудно достижимой».

Будучи большим ученым с философским складом ума, К. Лоренц не может остановиться на полпути и не обратить своего взгляда в сферу интереснейших проблем, связанных со спецификой и эволюцией поведения человека. Как биологический вид человек вышел из животного мира, так что у нас нет никаких оснований отрицать преемственность в поведении животных и человека. Если это так, то глубокое знание механизмов поведения животных дает нам необходимый ключ к пониманию путей становления и эволюции поведения человека. А ведь человек стал «Человеком Разумным» именно благодаря прогрессивным изменениям в его поведении – он научился изготавливать разнообразные орудия и использовать их по назначению, добывать огонь, выращивать хлеб и овощи, одомашнивать животных. Неудивительно, что проблема эволюции человеческого поведения, заложенная еще трудами Ч. Дарвина, все чаще привлекает в наши дни внимание этологов и зоопсихологов. Эта тема всегда была очень близка и К. Лоренцу. Среди прочих вопросов, связанных с нею, Лоренца особенно интересует проблема происхождения различных ритуалов у человека (например, ритуал приветствия), а также пути возникновения и эволюции человеческой морали. С некоторыми взглядами автора на этот предмет читатель может познакомиться в последней главе этой книги, а также в статье «Эволюция ритуалов в биологической и культурной сферах», опубликованной в № 11 журнала «Природа» за 1969 г. Надо заметить, что хотя Лоренцу нельзя отказать здесь в наблюдательности и

остроумии трактовок, некоторые проводимые им аналогии между поведением животных и человека могут оказаться при более глубоком раздумье достаточно поверхностными. Это обстоятельство неоднократно служило поводом для критики научно-популярных произведений Лоренца со стороны советских и зарубежных исследователей поведения животных.

В наши дни, когда этология становится развитой наукой, в которой занята целая армия профессионалов, не всем им удастся избежать чисто утилитарного отношения к животным как к безликому «материалу» для исследований. Такой подход абсолютно чужд К. Лоренцу, все творчество которого окрашено глубоко личным отношением к нашим «братьям меньшим» как к существам с собственной индивидуальностью, заслуживающим защиты, любви и уважения. Вот источник той совершенно особой атмосферы, которая будет сопровождать читателя от первой до последней страницы этой замечательной книжки о работе ученого-энтузиаста и о его любимых питомцах.

Е. Н. ПАНОВ

Введение

Во века веков не рождалось царя

Мудрее, чем царь Соломон;

Как люди беседуют между собой,

Беседовал с бабочкой он[1 - Перевод стихов здесь и далее Н. Н. Панова.].

Редьярд Киплинг

Библейская легенда рассказывает, что мудрый царь Соломон, сын Давида, «говорил и со зверями, и с дикими птицами, и с ползающими тварями, и с рыбами». Не совсем верное истолкование этого текста, который, очень вероятно, представляет собой самую старую в мире биологическую запись, породило прелестную сказку, что царь Соломон обладал способностью говорить на языке животных, скрытом от других людей. Но я склонен принять эту сказку за истину. У меня есть все основания верить, что Соломон действительно мог беседовать с

животными и даже без помощи волшебного кольца, обладание которым приписывает ему легенда. Я сам могу делать то же самое, не прибегая к магии, черной или какой-либо иной. На мой взгляд, это не слишком занимательно – пользоваться волшебным кольцом, пытаюсь понять Животных. Они могут рассказать человеку, и не пользуясь сверхъестественной помощью, вещи еще более замечательные и вполне правдивые, ибо правда о природе гораздо прекраснее и удивительнее всего, о чем пели наши великие поэты, эти единственные настоящие волшебники, существовавшие на Земле.

Я нисколько не шучу. Если «сигнальный код» общественных видов животных вообще можно назвать языком, то человек, изучивший этот «словарь», сможет понимать животных (данному вопросу посвящена одна из глав моей книги). Конечно, низшие и необщественные животные не имеют ничего, что должно было бы назвать языком даже в самом широком смысле, хотя бы по той простой причине, что им нечего сказать. По той же причине невозможно сообщить что-либо им. Несомненно, исключительно трудно высказать что-то, способное заинтересовать этих «пресмыкающихся тварей». Однако путем изучения «словаря» высокоорганизованных общественных видов млекопитающих и птиц можно достигнуть изумительного подражания и взаимного понимания. В последних работах ученых, исследующих поведение животных, это становится делом само собой разумеющимся и перестает быть источником удивления. Но я еще сохраняю в памяти яркое воспоминание об одном забавном эпизоде, принесшем мне убежденность, что удивительное и единственное в своем роде явление вполне возможно.

Прежде чем рассказать об этом, я должен описать обстановку, на фоне которой разворачивалась большая часть событий, описанных в моей книге. Прекрасная страна, примыкающая к обоим берегам Дуная в округе Альтенберг, – это истинный рай для натуралистов. Защищенные от наступления сельского хозяйства и цивилизации ежегодным весенним разливом Дуная густые ивовые леса, заросшие тростником болота и дремлющие воды простираются на много квадратных километров; остров первобытной дикости в самом центре Нижней Австрии; оазис девственной природы, где красный олень и косуля, цапля и баклан пережили даже превратности последней ужасной войны. Здесь, как в любимой Вордсвортом[2 - Вордсворт Уильям (1770–1850) – английский поэт, один из главных представителей английского романтизма.] Стране Озер:

Среди осоки дикой утки всплеск,

И щучьей чешуи мгновенный блеск,

И цапля улетает в небосвод,

Как дротик, шею вытянув вперед.

Редко удается встретить в самом сердце старой Европы места, столь девственно дикие. Здесь наблюдается странный контраст между характером ландшафта и географическим положением места, а для глаз натуралиста этот контраст еще более подчеркивается присутствием некоторых американских видов растений и животных, завезенных сюда ранее. Американская золотая розга встречается в изобилии, а под водой ее заменяет канадская элодея; американский солнечный окунь[3 - Солнечный окунь, или солнечная рыбка (*Gibbosus Lepomis*), – рыба из семейства Американских ушастых окуней, обитающих в Северной Америке. Акклиматизирована в низовьях Дуная. Самцы ушастых окуней строят примитивное гнездо и охраняют икру, отложенную самкой.] и кошачья рыба[4 - Кошачья рыба, или карликовый сомик (*Amiurus nebulosus*), – рыбка из отряда Карпообразных. Питается главным образом личинками водных насекомых и моллюсками. Изредка – мелкой рыбой. Родина – Северная Америка, акклиматизировалась в водоемах Белоруссии и Западной Украины.] обычны в заводях; и что-то грузное и громоздкое в фигуре нашего оленя напоминает вам, что Франц-Иосиф I, в зените своей охотничьей жизни, завез в Австрию несколько сотен голов вапити[5 - Вапити (*Cervus canadensis*) – крупный олень из группы благородных оленей, некогда широко распространенный в Северной Америке, к настоящему времени сильно истреблен человеком. Ближайший родственник вапити – европейский благородный олень *Cervus elaphus*. Автор имеет в виду, что завезенные в Европу вапити скрещивались с европейским оленем.].

Мускусная крыса[6 - Мускусная крыса, или ондатра (*Ondatra zibethica*), – очень крупная водяная полевка, ценная для пушного промысла. Издавна добывается в больших количествах на своей родине, в Северной Америке. Акклиматизирована в Европе, с 30-х годов – в Советском Союзе. Сейчас – обычное, местами многочисленное животное на территории СССР – от европейской части до Дальнего Востока.] чрезвычайно обильна. Она пришла сюда из Богемии, куда впервые была завезена из Северной Америки. Громкие всплески хвоста ондатр, когда они ударяют по поверхности воды, желая подать сигнал тревоги, смешиваются с мелодичным свистом европейской иволги.

Ко всему этому добавьте зрелище Дуная, этого младшего брата Миссисипи; представьте себе могучую реку, текущую в широком, мелководном, извилистом ложе, ее узкий навигационный проход, в отличие от всех других европейских рек постоянно меняющий свое направление, громадное пространство

беснующейся воды, которая изменяет цвет в зависимости от времени года: от мутного, серовато-желтого – весной и летом до чистого, голубовато-зеленого – поздней осенью и зимой. Да, «голубой Дунай», воспеваемый в наших народных песнях, существует только в холодное время года.

Причудливо извивающаяся лента реки окружена холмами, покрытыми виноградниками, с вершин которых два раннесредневековых замка, Гренфенштейн и Крюзенштейн, угрюмо смотрят поверх громадных пространств диких лесов и вод. Вот тот ландшафт, на фоне которого разворачивались события этой книги, ландшафт, который мне кажется самым прекрасным на Земле, ибо каждый человек вправе считать самыми прекрасными те места, где он прожил большую часть своей жизни.

В один из жарких дней в начале лета, когда мы с доктором Зейтцем, моим другом и помощником, работали над фильмом о диких гусях, по этой прекрасной местности передвигалась чрезвычайно странная процессия, столь же причудливая, как и сам ландшафт. Впереди шествовал большой рыжий пес, внешне напоминавший аляскинскую эскимосскую лайку, а на самом же деле – помесь австралийской и китайской пород. За ним два человека в плавках несли каноэ, за ними десять полувзрослых гусят вышагивали с чувством собственного достоинства, столь свойственным их племени. Тринадцать крошечных пищущих кряковых утят торопились следом, боясь отстать и стараясь держаться вместе с более крупными животными. В конце процессии маршировал странный, уродливый пегий утенок, не похожий ни на что на свете, – гибрид огаря[7 - Огарь, или красная утка (*Casarca ferruginea*), – крупная утка, которая по своему строению имеет общие черты с гусями. Распространен в степных и полупустынных районах Евразии. Гнездится в норах лисиц, барсуков, в трещинах и расселинах берегов и заброшенных построек.] и египетского гуся[8 - Египетский, или нильский, гусь (*Alorochen aegyptiaca*) – птица из отряда Гусеобразных, обитающая в долине Нила и по всей Африке южнее Сахары. Живет в лесах, преимущественно мимозовых.]. Только плавки на бедрах двоих участников этой сцены и кинокамера, висевшая через плечо одного из них, не позволяли предположить, что вы являетесь свидетелем сцены, происходящей в садах Эдема.

Процессия двигалась очень медленно, поскольку нам приходилось приноравливаться к движению самого слабого из наших утят, поэтому ушло много времени, прежде чем мы достигли места назначения – чрезвычайно живописной заводи, обрамленной цветущими «снежными шарами» и выбранной

Зейтцем для съемки некоторых «ударных» сцен нашего фильма. Достигнув заводи, мы сразу же приступили к делу. В подзаголовке фильма значилось: «Научное руководство – доктор Конрад Лоренц. Оператор – доктор Альфред Зейтц». Поэтому я сразу начал руководить научной стороной съемки, то есть попросту лег на мягкую траву, окаймлявшую заводь, и стал нежиться на солнце. Зеленые лягушки лениво квакали, как и обычно в хорошие летние дни, большие стрекозы кружились в воздухе, и славка-черноголовка[9 - Славки (Sylvia) – мелкие певчие птицы из отряда Воробьиных. Обитают в Старом Свете. В СССР обычны славка-черноголовка, садовая славка, серая славка и др.] пела свою нежную ликующую песенку в кустах, расположенных менее чем в трех ярдах от меня. Я слышал, как Альфред заводил камеру и ворчал на утят, которые то и дело оказывались перед объективом именно в тот момент, когда оператор намеревался снимать не их, а гусят. Где-то в моем мозгу неясно бродила мысль, что я должен подняться и помочь товарищу отогнать утят, но тело стало безвольным, и я погрузился в сон. Внезапно, сквозь дремотную неясность сознания до меня донесся раздраженный голос Альфреда: «Рангрангрангрангранг, простите, я хотел сказать – куаг, гегегеге, куаг, гегегеге!» Засмеявшись, я проснулся. Зейтц хотел отозвать утят и по ошибке обратился к ним на языке дикого гуся.

Именно в этот момент у меня впервые возникла мысль написать книгу. Никто не оценил всей забавности ошибки Альфреда, ибо сам он был слишком поглощен своей работой. Мне очень захотелось рассказать кому-нибудь об этом случае, а потом я подумал, что можно рассказать о нем всем.

А почему бы и нет? Разве не должен этолог[10 - Этология – одна из основных отраслей науки о поведении животных. Слово происходит от греческого «ethos», что означает характер или поведение.], поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об интимной жизни животных? В конце концов долг каждого ученого – рассказать широкой публике в общедоступной форме о том, чем он занимается.

Уже написано много хороших и плохих, верных и ошибочных книг о животных. Еще одна книга, состоящая из правдивых рассказов, не принесет большого вреда. Я не хочу сказать, что хорошая книга должна быть безусловно правдивой. Несомненно, наиболее плодотворное влияние на развитие моего сознания в раннем детстве оказали две книги о животных, которые не могут быть названы правдивыми даже в самом вольном смысле слова. Ни «Нильс Холегерссон» Сельмы Лагерлеф[11 - Сельма Лагерлеф (1858–1940) – шведская писательница,

многие произведения которой переведены на русский язык. В книге «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции» даны идиллические картины шведской природы и народной жизни.], ни «Книга джунглей» Редьярда Киплинга не содержат в себе ничего похожего на научную правду о животных. Но поэты, подобные авторам этих книг, могут позволить себе подать читателю животных совсем не так, как того требует научная истина. Они смело разрешают своим героям разговаривать на человеческом языке, они даже кладут человеческие побуждения в основу их поступков и при этом сохраняют типичные черты облика диких существ. Удивительно, как правдиво передают они сущность того или иного животного, хотя рассказывают только волшебную сказку. Читая эти книги, вы верите, что если бы старый опытный дикий гусь или мудрая черная пантера смогли бы заговорить, то они стали бы говорить именно так, как говорят Акка Сельмы Лагерлеф или Багира Редьярда Киплинга.

Писатель-творец, изображая поведение животных, обязан держаться в пределах точной истины не более чем живописец или скульптор, передающие внешний облик зверей. Но священная обязанность каждого художника – быть достаточно осведомленным относительно тех особенностей, при изображении которых он отклоняется от действительных фактов.

Более того, ему необходимо знать эти детали лучше, чем все другие, которые изображаются в полном соответствии с жизненной правдой. Нет большего греха против правдивого искусства, нет более презренного дилетантизма, чем пользование свободой художника для прикрытия своей неосведомленности о подлинных фактах.

Я ученый, а не поэт, поэтому не стану пытаться в этой маленькой книжке подправить природу с помощью художественных вольностей. Каждая подобная попытка, несомненно, дала бы противоположный эффект, и мой единственный шанс написать что-нибудь, не лишенное поэтичности, – это строго следовать научным фактам. Итак, скромно придерживаясь приемов своего ремесла, я надеюсь дать моим доброжелательным читателям хотя бы слабое представление о безграничной красоте наших друзей-животных и их жизни.

Альтенберг, январь 1950 г.

КОНРАД З. ЛОРЕНЦ

ЖИВОТНЫЕ КАК ИСТОЧНИК НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Вскрывает зубами бочонки сельдей.

Вьет гнезда в шляпах добрых людей,

И писком из-под пола, из клетей

Болтать мешает и сна лишает

Хозяйку дома хвостатый злодей.

Роберт Браунинг

Почему я начинаю с наиболее неприятной стороны совместной жизни с животными? Потому что степень вашей готовности мириться с приносимым ими беспокойством говорит о силе вашей любви к ним. Я всегда буду признателен своим терпеливым родителям: они только качали головой и укоризненно смотрели на меня, когда я приносил домой нового питомца, от которого можно было ждать больше неприятностей, чем от предыдущих. А сколько вытерпела за многие годы нашей совместной жизни моя жена! Кто осмелился бы просить у своей супруги разрешения держать в доме ручную крысу, которая свободно бегала по всем комнатам, а гнездо устраивала в самых неожиданных и неудачных местах, используя в качестве строительного материала маленькие круглые кусочки материи, аккуратно вырезанные зубами из мебельной обивки?

Какая другая жена смирилась бы с выходками попугая какаду, который откусывал все пуговицы с выстиранных и вывешенных в саду для просушки вещей, или разрешила бы прирученным серым гусям проводить ночь в спальне, а утром вылетать в сад через окно? А что сказала бы иная супруга, если бы увидела только что выстиранные занавески, сплошь украшенные симпатичными голубыми пятнышками, которые оставили певчие птицы, наевшиеся ягод бузины? Что сказала бы она, если... – но я мог бы задавать этот вопрос на протяжении еще двадцати страниц.

Так ли необходимы все эти жертвы, спросите вы. Да, совершенно несомненно, да! Конечно, можно содержать животных в клетках, расставленных в гостиной, однако единственный способ узнать что-нибудь об умственной деятельности высших животных – это предоставить им полную свободу. Насколько

печальными и скованными кажутся заключенные в клетку попугай или обезьяна, настолько же невероятно подвижными, забавными и интересными становятся те же самые животные, если дать им полную свободу. Конечно, вы должны быть готовы к убыткам и расстройством – это неизбежная плата за содержание подобных жильцов, зато будете располагать психически полноценными существами для своих наблюдений и экспериментов. Именно поэтому я всегда содержал диких животных в условиях ничем не ограниченной свободы.

В Альтенберге проволока, предназначенная для клеток, играла совершенно парадоксальную роль – она служила препятствием для проникновения животных в дом и палисадник. Нашим питомцам всегда строго запрещалось проникать за сетку, окружающую цветочные клумбы; но, как и для маленьких детей, запрещенные вещи обладают притягательной силой для разумных животных. А кроме того, необычайно привязчивые серые гуси постоянно стремятся к человеческому обществу. Во всяком случае, вечно случалась одна и та же история: прежде чем мы успевали заметить неладное, двадцать или тридцать гусей уже паслись на клумбах или, что еще хуже, вторгались на открытую веранду, приветствуя нас громкими гортанными криками.

Было необычайно трудно изгнать этих птиц, которые прекрасно летали и не испытывали страха перед человеком. Самый громкий крик и неистовое размахивание руками не давали никакого эффекта. Единственным действенным средством оказался огромный багряно-красный садовый зонтик. Подобно рыцарю с копьем на изготовку, моя жена бросалась на гусей, пасущихся на недавно засаженных ею грядках, держа сложенный зонтик под мышкой; затем она издавала бешеный военный клич и резким движением раскрывала зонтик. Это было слишком даже для наших гусей, и они взлетали в воздух, громко грохоча крыльями.

К несчастью, отец в значительной степени свел на нет усилия жены в деле воспитания гусей. Старый джентльмен очень любил гусей, особенно ему нравились гусаки – эти отважные рыцари. И ничто не могло помешать ему ежедневно приглашать гусей на чаепитие в свой кабинет, примыкавший к застекленной веранде. Зрение отца сильно ослабело, и он замечал конкретные результаты этих посещений, только наступив на них ногой. Однажды к вечеру, выйдя в сад, я, к своему изумлению, обнаружил, что почти все гуси исчезли. Опасаясь самого худшего, я побежал в кабинет отца и застал там следующую сцену: на великолепном персидском ковре двадцать четыре гуся стояли, столпившись вокруг старого джентльмена, а он пил чай, сидя за своим

письменным столом, и спокойно просматривал газету. Время от времени он отламывал кусочки хлеба и протягивал их гусям.

Птицы немного нервничали в непривычной обстановке, и это оказало неблагоприятное влияние на работу их кишечника. Как и все животные, которые обычно переваривают большие порции травы, гусь имеет цекум, или слепой отросток толстой кишки, где с помощью бактерий перерабатываются растительные волокна. Как правило, на шесть или семь нормальных опорожнений кишечника приходится одно из цекума, а оно имеет особый едкий запах и очень яркий темно-зеленый цвет.

Если же гуси встревожены, одно опорожнение цекума следует за другим. Более одиннадцати лет истекло с тех пор, как гуси принимали участие в чаепитии, но за это время зеленые пятна на ковре стали лишь бледно-желтыми.

Итак, наши животные живут в полной свободе и даже находятся в коротких отношениях с домом. Они всегда стремятся к нам, а не от нас. В другой семье человек может сказать: «Птица вылетела из клетки! Скорее закройте окно!» А у нас кричат: «Ради всего святого, закройте окно: ворон (какаду, обезьяна и т. д.) хочет проникнуть в дом!» Наиболее парадоксальное использование «обратного клеточного принципа» было изобретено моей женой в те времена, когда наш старший сын был еще очень мал. Тогда у нас жили несколько крупных и потенциально опасных животных – вороны, два больших желтохохлых какаду, два лемура и две обезьяны-капуцина, и никого из них нельзя было оставить наедине с ребенком, не подвергая его опасности. Тогда-то моя жена смастерила в саду большую клетку, в которой и поместила... детскую коляску.

К сожалению, у высших животных потребность и способность причинять разрушения возрастают прямо пропорционально степени их разумности.

По этой причине нельзя ни под каким видом оставлять некоторых животных, особенно обезьян, без постоянного наблюдения. Это не относится к лемурам, которые лишены свойственного всем настоящим обезьянам пристального любопытства к домашней утвари.

Настоящие обезьяны[12 - Отряд обезьян, или приматов, делится обычно на три большие группы: лемуры, широконосые обезьяны и настоящие, или узконосые, обезьяны. Лемуры – наиболее древняя и примитивная группа. Это небольшие

древесные животные, ведущие сумеречный и ночной образ жизни. Обитают на острове Мадагаскар, в Африке и Юго-Восточной Азии.], генеалогически стоящие выше обезьян Нового Света, проявляют неутомимую любознательность при виде каждого нового предмета и сразу же начинают проделывать с ним свои эксперименты. И хотя это может быть очень интересно с точки зрения изучения психологии животных, для семьи такое положение вещей вскоре становится совершенно невыносимым с финансовой точки зрения. Могу проиллюстрировать это на следующем примере.

Еще будучи студентом, я держал в квартире родителей в Вене великолепный экземпляр капуцина[13 - Капуцин обыкновенный (*Cebus capucinus*) – некрупная обезьяна с длинным хвостом (тело – около 45 см, хвост – 35 см). Живут небольшими стадами в тропических лесах Южной Америки.], самку по имени Глория. Она занимала просторную клетку, стоявшую в моем кабинете. Когда я бывал дома и имел возможность присматривать за обезьяной, ей разрешалось свободно побегать по комнате. Уходя, я запирали ее в клетке, где она очень скучала и поэтому прилагала все усилия, чтобы как можно скорее выбраться на свободу. Однажды, когда после долгого отсутствия я вернулся домой и повернул выключатель, комната осталась погруженной во тьму. Но хихиканье Глории, раздавшееся не из клетки, а с металлического прута, поддерживавшего занавески, не оставляло сомнений в причине поломки. Вернувшись со свечой, я увидел следующую сцену: обезьяна сдвинула с подставки тяжелую бронзовую лампу, стоявшую у кровати, протащила ее через всю комнату (к сожалению, не выдернув вилки из штепселя) и с силой бросила на стеклянную крышку аквариума. Лампа погрузилась на дно. Конечно, произошло короткое замыкание. Затем Глория отперла книжный шкаф – удивительное достижение, если принять во внимание малый размер ключа, – достала второй и четвертый тома медицинского словаря, перенесла книги на подставку аквариума и, разорвав их на мелкие лоскутки, набила обрывками внутренность сосуда. На полу валялись только пустые переплеты, а щупальца поникших морских анемонов[14 - Морские анемоны, или актинии, – водные кишечнополостные животные из группы Коралловых полипов. Ведут сидячий образ жизни. Цилиндрическое тело прикреплено основанием к морскому дну, в верхней части оно снабжено многочисленными щупальцами, которые используются для ловли добычи и защиты от врагов. Некоторые виды – благодарный объект для содержания в аквариумах с морской водой.] были наполнены бумагой.

Интересной особенностью этих поступков было строгое внимание к деталям, налагавшее свой отпечаток на всю операцию. Одни только физические усилия, затраченные на выполнение такого дела столь маленьким животным, уже

достойны удивления. К сожалению, все эти забавные наблюдения обошлись мне слишком дорого.

Что может служить вознаграждением за все эти бесконечные волнения и убытки? Как я уже говорил, мои цели не позволяют мне содержать своих питомцев на положении заключенных. Животные, которые свободно могли бы убежать, но, тем не менее, остаются со мной, доставляют неопишемую радость: ведь я могу верить, что их заставляет остаться привязанность ко мне.

Однажды, гуляя вдоль берега Дуная, я услышал звучный призыв ворона. Когда я подал ответный крик, большая птица высоко в небе сложила крылья и, со свистом разрезая воздух, стремительно понеслась вниз. Она широко расправила крылья, тем самым замедлив падение, и легко опустилась на мое плечо. Тогда я почувствовал себя вознагражденным за все разодранные книги и разоренные утиные гнезда, лежавшие на совести этого моего ворона. Очарование подобных опытов не притупляется при повторении: удивление не проходит даже в том случае, когда они проделываются ежедневно и дикая птица становится настолько же доверчивой, насколько может быть ручной кошка или собака. Истинная дружба с дикими животными стала для меня делом совершенно естественным, и только какой-нибудь из ряда вон выходящий случай иногда заставляет меня почувствовать всю необычайность подобных отношений.

Как-то в туманное весеннее утро я спустился к Дунаю. Река была еще сжата в своих зимних оковах, и пролетные стайки крохалей, лутков[15 - Крохали (Mergus) – рыбацкие нырковые утки, широко распространенные в Старом и Новом Свете. В СССР обычны большой крохаль, длинноносый крохаль и луток.] и белолобых гусей перелетали повсюду вдоль темной узкой полосы воды. Среди этих кочевников, как будто принадлежа к их числу, совершала свой путь стайка серых гусей. Я заметил, что у птицы, летевшей второй в левой шеренге треугольника, в крыле не хватало одного из крупных перьев. В этот момент я вдруг совершенно отчетливо вспомнил, что это за птица и каким образом она потеряла свое перо. Да, несомненно, это были мои гуси! Да и не может быть других серых гусей на Дунае, ни гнездящихся, ни перелетных. А птица, летящая в левой шеренге треугольника, это гусак Мартин. Только на днях произошла его помолвка с моей любимой гусыней Мариной, и это в ее честь он получил свое имя (первоначально Мартин значился под номером, потому что имена носили только те гуси, которые были выхожены мной самим, тогда как птиц, вскормленных их родителями, я просто нумеровал).

У серых гусей жених постоянно следует буквально по пятам за своей невестой. Мартина без страха разгуливала по всем комнатам нашего дома, не задерживаясь, чтобы испросить согласия своего жениха, который вырос в саду. Таким образом, под давлением обстоятельств гусак оказался в абсолютно чуждой для него обстановке. Если принять во внимание, что в естественных условиях серый гусь обитает в совершенно открытой местности и может только с большим трудом, поборов сильное инстинктивное отвращение, привыкнуть к жизни среди кустов или под деревьями, то вы были бы вынуждены признать Мартина истинным героем, видя, как он с напряженно вытянутой вверх шеей однажды последовал за своей подругой через переднюю дверь в холл, а затем наверх, в спальню.

Я как сейчас вижу его стоящим посреди комнаты, с перьями, плотно прижатыми к телу от страха, дрожащего от напряжения, но гордо выпрямившегося и встречающего великую неизвестность громким шипением. И вдруг дверь с громким стуком захлопнулась за ним. Это было слишком даже для нашего героического серого гуся. Он расправил крылья и взлетел к потолку. При столкновении большая люстра потеряла несколько подвесок, а Мартин – первостепенное маховое перо [16 - Первостепенные маховые перья – крупные перья крыла, прикрепленные к той части скелета, которая соответствует кисти у млекопитающих. Второстепенные маховые прикрепляются к предплечью, третьестепенные – к плечевому отделу крыла.].

Вот что я вспомнил о гусе, летевшем вторым в левой шеренге треугольника; но я знал и другое, по-настоящему радостное: когда я вернусь домой с прогулки, эти серые гуси, только что летевшие вместе с перелетными птицами, будут стоять, выстроившись в шеренгу перед верандой, а потом подойдут ко мне, вытянув вперед свои шеи. У гусей это примерно такой же знак приветствия, как у собаки – виляние хвостом. Я проводил глазами стаю, которая пролетела низко над водой и скрылась за поворотом реки, и внезапно меня охватило изумление, то самое, которое лежит в основе всякого открытия, когда начинаешь по-новому видеть хорошо знакомые вещи. Всем знакомо это глубоко волнующее чувство: самые повседневные явления внезапно предстают перед вами в новом виде, как будто вы встречаетесь с ними впервые. Вордсворт осознал это однажды, созерцая маленькое растение – чистотел:

Лет тридцать – издали и вблизи

Тебя я часто видел – и что ж?

Незнакомо лицо твое было мне.

Теперь же в течение каждого дня

Приветствия слышишь ты от меня.

Когда я провожал взглядом гусей, мне показалось почти чудом, что суровый, признающий только строгие факты ученый может установить настоящую дружбу с дикими, свободно живущими животными, и эта мысль преисполнила меня ощущением незнакомого счастья. У меня появилось такое чувство, словно изгнание человека из садов Эдема утратило некоторую часть своей горечи.

Сегодня уже нет ворона, и серые гуси загублены войной. Из всех моих свободно живущих птиц остались одни только галки; они же были первыми, кто поселился в Альтенберге. Эти многолетние постояльцы все еще кружатся вокруг высоких фронтонов нашего дома, и их резкие крики, значение которых я понимаю до тонкостей, достигают моего кабинета через трубы центрального отопления. И каждый год эти птицы устраивают гнезда в дымовых трубах и приводят в ярость моих соседей, поедая их вишни.

Понимаете ли вы теперь, что не только научные результаты вознаграждают меня за все хлопоты и беспокойства, но и нечто большее, несравненно большее.

БОИТЕСЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ – ЗАВОДИТЕ АКВАРИУМ

Мы в этом мире, что кругом.

Живем, творим один в другом.

Гёте. Фауст

Эта вещь не требует почти никаких затрат, но она поистине удивительна: покройте дно стеклянного резервуара чистым песком и поместите сюда же несколько стебельков самых обычных водных растений. Осторожно влейте в сосуд пинту[17 - Пинта – мера объема жидкостей в Англии и США, около 0,5 литра.]-другую водопроводной воды и поставьте его на солнечный подоконник.

Как только вода станет совершенно чистой и растения тронутся в рост, пустите сюда немного маленьких рыбок, или, еще лучше, возьмите банку из-под варенья и маленькую сетку и отправляйтесь на ближайший пруд. Стоит два-три раза зачерпнуть сетью воды из глубины лужицы – и вы станете обладателем несметного числа интереснейших организмов.

Все очарование детства до сих пор связано у меня с этим сачком для ловли рыбы. Вовсе не обязательно, чтобы это была «усовершенствованная новинка» с латунным обручем и газовым мешочком. По традициям Альтенберга, предпочтительнее самоделка, изготовление которой – дело десяти минут: обруч – обычная изогнутая проволока, мешок из чулка, обрывка салфетки или детской пленки. Таким инструментом я в возрасте девяти лет ловил своих первых дафний на корм рыбкам и в результате открыл удивительный мир пресных прудов, совершенно очаровавший меня. Вслед за рыболовной сеткой пришло увеличительное стекло, его сменил скромный маленький микроскоп, и моя судьба была решена. Кто однажды узрел сокровенную красоту природы, никогда уже не сможет порвать с ней. Этот человек должен стать или поэтом, или натуралистом. И если глаз его точен и способность к наблюдению обострена, то он станет и тем и другим.

Итак, вы раз за разом протаскиваете сеточку между растениями в глубине пруда, и одновременно ваша обувь наполняется прудовой водой и илом. Если водоем удовлетворяет вашим целям и место выбрано подходящее, то вскоре мешочек сачка наполнится кишачими, извивающимися стекловидно-прозрачными существами. Теперь опрокиньте сеточку в банку из-под джема, предварительно наполнив ее водой, и сполосните сачок. Придя домой, вы заботливо опорожняете банку со своим уловом в аквариум, а потом созерцаете этот крошечный мирок, сразу же раскрывающий свои тайны вашим глазам и увеличительному стеклу.

Аквариум – это целый мир, ибо животные и растения, точно так же, как и в естественном пруду или в озере, и вообще на всей нашей планете, живут здесь бок о бок в состоянии биологического равновесия. Животные выдыхают двуокись углерода, которая усваивается растениями, а последние в процессе своей жизнедеятельности выделяют кислород. Однако было бы неверно сказать, что растения не дышат, подобно животным, а делают всё наоборот. Растения, точно так же, как и животные, вдыхают кислород и выдыхают углекислый газ, но, кроме того, растущее зеленое растение усваивает и двуокись углерода, используя ее для построения своего тела. Правильнее было бы сказать, что

растение «поедает» углекислый газ. В ходе этого процесса выделяется кислород в количестве большем, нежели необходимо для дыхания самого растения, и этими излишками дышат животные и человек. Наконец, растения способны усваивать остатки умерших организмов, разлагаемых на составные части бактериями, и возвращают эти вещества в великий кругооборот жизни, состоящий из трех взаимосвязанных звеньев: строители – зеленые растения, потребители – животные, демонтировщики – бактерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод стихов здесь и далее Н. Н. Панова.

2

Вордсворт Уильям (1770–1850) – английский поэт, один из главных представителей английского романтизма.

3

Солнечный окунь, или солнечная рыбка (*Gibbosus Lepomis*), – рыба из семейства Американских ушастых окуней, обитающих в Северной Америке. Акклиматизирована в низовьях Дуная. Самцы ушастых окуней строят примитивное гнездо и охраняют икру, отложенную самкой.

4

Кошачья рыба, или карликовый сомик (*Amiurus nebulosus*), – рыбка из отряда Карпообразных. Питается главным образом личинками водных насекомых и моллюсками. Изредка – мелкой рыбой. Родина – Северная Америка, акклиматизировалась в водоемах Белоруссии и Западной Украины.

5

Вапити (*Cervus canadensis*) – крупный олень из группы благородных оленей, некогда широко распространенный в Северной Америке, к настоящему времени сильно истреблен человеком. Ближайший родственник вапити – европейский благородный олень *Cervus elaphus*. Автор имеет в виду, что завезенные в Европу вапити скрещивались с европейским оленем.

6

Мускусная крыса, или ондатра (*Ondatra zibethica*), – очень крупная водяная полевка, ценная для пушного промысла. Издавна добывается в больших количествах на своей родине, в Северной Америке. Акклиматизирована в Европе, с 30-х годов – в Советском Союзе. Сейчас – обычное, местами многочисленное животное на территории СССР – от европейской части до Дальнего Востока.

7

Огарь, или красная утка (*Casarca ferruginea*), – крупная утка, которая по своему строению имеет общие черты с гусями. Распространен в степных и полупустынных районах Евразии. Гнездится в норах лисиц, барсуков, в трещинах и расселинах берегов и заброшенных построек.

8

Египетский, или нильский, гусь (*Alorochen aegyptiaca*) – птица из отряда Гусеобразных, обитающая в долине Нила и по всей Африке южнее Сахары. Живет в лесах, преимущественно мимозовых.

9

Славки (*Sylvia*) – мелкие певчие птицы из отряда Воробьиных. Обитают в Старом Свете. В СССР обычны славка-черноголовка, садовая славка, серая славка и др.

10

Этология – одна из основных отраслей науки о поведении животных. Слово происходит от греческого «ethos», что означает характер или поведение.

11

Сельма Лагерлеф (1858–1940) – шведская писательница, многие произведения которой переведены на русский язык. В книге «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции» даны идиллические картины шведской природы и народной жизни.

12

Отряд обезьян, или приматов, делится обычно на три большие группы: лемуры, широконосые обезьяны и настоящие, или узконосые, обезьяны. Лемуры – наиболее древняя и примитивная группа. Это небольшие древесные животные, ведущие сумеречный и ночной образ жизни. Обитают на острове Мадагаскар, в Африке и Юго-Восточной Азии.

13

Капуцин обыкновенный (*Cebus capucinus*) – некрупная обезьяна с длинным хвостом (тело – около 45 см, хвост – 35 см). Живут небольшими стадами в тропических лесах Южной Америки.

14

Морские анемоны, или актинии, – водные кишечнополостные животные из группы Коралловых полипов. Ведут сидячий образ жизни. Цилиндрическое тело прикреплено основанием к морскому дну, в верхней части оно снабжено многочисленными щупальцами, которые используются для ловли добычи и защиты от врагов. Некоторые виды – благодарный объект для содержания в аквариумах с морской водой.

15

Крохали (Mergus) – рыбакодные нырковые утки, широко распространены в Старом и Новом Свете. В СССР обычны большой крохаль, длинноносый крохаль и луток.

16

Первостепенные маховые перья – крупные перья крыла, прикрепленные к той части скелета, которая соответствует кисти у млекопитающих. Второстепенные маховые прикрепляются к предплечью, третьестепенные – к плечевому отделу крыла.

17

Пинта – мера объема жидкостей в Англии и США, около 0,5 литра.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lorenc_konrad/kol-co-carya-solomona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)